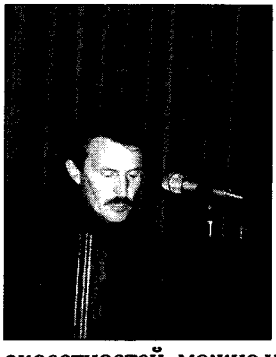
А. Г. Мельник (Ростов)

НАДГРОБНАЯ ИКОНА РОСТОВСКОГО СВЯТОГО ИОАННА ВЛАСАТОГО



В действующей приходской Толгской церкви Ростова Великого непосредственно над гробницей[1] юродивого Иоанна Милостивого Власатого находится большая (130 х 178 см) икона этого святого (Рис. 1, 2). В ее среднике представлен св. Иоанн, а в 12 клеймах — эпизоды его жития. В верхней части иконы изображен деисусный чин. Просмотр архивных документов, касающихся Толгской церкви, и описей всех остальных храмов Ростова показал, что других подобных икон в прошлом в городе не существовало[2], как не существует и ныне. Учитывая же слабую распространенность культа Иоанна Власатого за пределами Ростова и его окрестностей, можно уверенно предположить, что не было подобных икон и в остальных регионах России. Таким образом, указанный иконописный памятник, очевидно, является единственным произведением, в котором нашло отражение житие Иоанна Власатого. Именно это во многом определяет своеобразие и ценность данной иконы. Однако до последнего времени она оставалась практически неизученной.

В отличие от подавляющего большинства ростовских храмов, Толгская церковь в советское время не была разорена. Поэтому рассматриваемая икона на протяжении всего XX в. не меняла своего местоположения. Старейшая известная опись Толгской церкви, датируемая 1820 г., следующим образом зафиксировала тот комплекс памятников, в который было включено интересующее нас произведение: «В означенной церкви за левым крилосом над гробом блаженнаго Иоанна Милостиваго зделан балдахин резной на четырех колонах резных, имея вверху корону, поддерживаемую четырьмя каратинами резными; весь балдахин вызолочен на полимент; под оным балдахином над самым местом, где Иоан блаженный почивает, поставлена деревянная гробница, обитая с трех сторон медью на коей вычеканены четыре чюдесные случая из жития, на верхней доске оныя гробницы написан образ святаго Иоанна блаженнаго Милостиваго; на нем венец резной серебряной позолочен обнизан стразами, на оной гробнице находится:

1-е Крест широковатой деревянной в нем вложено распятие медное (по преданиям давным от времен угодника будто существующее) в серебряной оправе;

2-е Футляр со псалтырем латынскаго наречия (изображением фигурою букв стараго писма немецкаго), которой псалтырь, как видно из жития угодника, служил для него чиноположением молитвословия.

3-е Ковчег серебряной с мощами благоверных князей Василия и Константина Ярославских чюдотворцев; даны Арсением митрополитом...

Против раки блаженнаго Иоанна утвержден на стене образ его ж с 12-ю чюдесными случаями на нем риза и венец серебрныя резныя...

Паникадила...

Пред ракою Иоанна Блаженнаго медная отбеленная видополукружная с 15-ю шандалами малыми и 3-мя болшими с кромкою медною поверх выпука; висит на таких же цепях...

Маслиники...

[1] Могила Иоанна Власатого никогда не вскрывалась, другими словами, его мощи находятся под спудом.

[2] Мельник А. Г. Иконография ростовских святых по письменным источникам // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. Тезисы докладов и сообщений вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1995. С. 349. См. второе издание настоящей работы: Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 274.

Пред ракою чюдотворца Иоанна Милостиваго серебряной же гладкой неболшей с такими же цепочками 84-й пробы»[3].

Далее в описи охарактеризованы десять покровов «на раку чюдотворца». Все они были украшены крестами, выполнены в различной технике, и ни один покров не был лицевым[4]. Надо полагать, непосредственно на раке тогда находился лишь один или два покрова, остальные же хранились в другом месте храма.

Все перечисленные произведения, за исключением упомянутых покровов, хранившихся отдельно, составляли довольно своеобразный надгробный комплекс, в который органично была включена и рассматриваемая икона. Замечательно, что данный комплекс, мало изменившись, дошел до нашего времени (Рис. 3).

К сожалению, более ранние документы, описывающие Толгскую церковь, неизвестны. Однако можно предположить, что указанный надгробный комплекс в основных своих чертах сформировался во время строительства Толгской церкви в 1762–1767 г. или вскоре после того и, значит, рассматриваемая икона уже тогда была утверждена над ракой Иоанна Власатого. Нынешней каменной Толгской церкви (1762–1767) предшествовала деревянная, во имя собора Иоанна Предтечи с приделом священномученика Власия, построенная, очевидно, в первой половине XVIII в., а этой, в свою очередь, – деревянная церковь священномученика Власия XVII в. Причем если на протяжении значительной части XVII в. могила Иоанна Власатого находилась за алтарем, то есть за пределами указанной церкви, то, по крайней мере к концу XVII – началу XVIII в. или несколько раньше, этот храм был перестроен так, что гробница святого оказалась внутри него[5]. Надо полагать, рассматриваемая икона и в указанном деревянном храме находилась над ракой св. Иоанна. Если это так, то она и задумана была как надгробная, о чем косвенно свидетельствует и характерный вытянутый по горизонтали ее формат.

При всех сложностях работы в действующем храме мне все-таки удалось обследовать данную икону, правда, только с лицевой ее стороны. Оказалось, что щит иконы никогда не опиливался и сохранил свои первоначальные размеры. Как будто, деисус в верхней части произведения кажется несколько обособленным от основной его части. Это может привести к выводу о более позднем появлении указанного деисуса. Но такой вывод совершенно бы не соответствовал действительности, о чем говорит следующее. Верхняя доска иконы, на которой расположен деисус, является основой не только для него, но и для живописи верхней части средника и четырех верхних клейм. Более того, стилистически живопись деисуса ничем не отличается от живописи основной части иконы (см. ниже). Таким образом, и средник, и клейма, и деисус созданы одновременно.

По всей видимости, икона эта никогда капитально не записывалась, но зато, видимо, неоднократно, к сожалению, подвергалась непрофессиональным промывкам. В результате не только была частично утрачена поверхностная покровная пленка, но и сильно повреждены надписи в клеймах. Пострадала и живопись иконы. Тем не менее, в целом произведение сохранило важнейшие элементы своей художественной структуры.

В среднике иконы представлен Иоанн Милостивый в полный рост, почти фронтально. В правой его руке – жезл с загнутым верхним концом. В левой руке – хартия со следующей надписью: «Понудимся братие на кра[т]цем веце сем...». Концовка текста неразборчива. Справа и слева от головы святого читаем: «С[вя]тыи Иоа[н] Милости[выи] Росто[в]ски чюдотворе[ц]». Юродивый облачен в длинную, лишенную пояса желто-охристую одежду с рукавами и отложным воротником. Впереди она застегнута рядом пуговиц. На ногах – черная обувь. Вокруг головы блаженного расположен металлический чеканный венец. Лик святого выполнен в традиционной иконописной

[3] Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области. Ф. 196. Оп. 1. Д. 4725. Л. 4–4 об., 5–6 об.

[4] Там же Л. 26–27.

[5] Израилев А. Ростовская Ярославской губернии, церковь в честь Толгской иконы Божией Матери, называемая также церковью Иоанна Милостиваго. Ростов-Ярославский, 1900. С. 8–13.

технике. Особенно характерна красная подрумянка на щеках святого, контрастирующая с охристым вохрением. Длинные волосы Иоанна лежат на его плечах четырьмя большими прядями — характерная черта его поздней иконографии (Рис. 2).

Позем средника — зеленый с округло изогнутым верхним контуром и растениями у ног блаженного. Фон над поземом — более светлого зеленого же цвета. По его полю разбросаны условно изображенные белесые облачка. Средник обведен широкой полосой растительного орнамента на серебряном фоне. Особенностью этой полосы является то, что она прерывается у ног святого.

В отличие от всех известных житийных икон ростовских святых[6] двенадцать клейм надгробной иконы Иоанна Власатого размещены только по бокам от средника, что не совсем традиционно. Однако это не означает какой-то особой оригинальности данного решения. В русской иконописи XVII — XVIII в. подобный вариант размещения житийных клейм пусть и не часто, но все же встречается. Мне известно более десяти таких икон[7]. Можно предположить, что выбор данного варианта в случае с рассматриваемой иконой обусловлен тем, что она была задумана как надгробная. Возможно, определенное влияние на этот выбор оказали надгробный фрески второй половины XVII в., имевшиеся над раками святых Леонтия[8] и Игнатия[9] в ростовском Успенском соборе. На той и другой фресках применена сходная композиция. В центре в полный рост представлен святой и по бокам от него — по одному эпизоду из его жития.

Весьма своеобразен по составу «ростовой» деисусный чин в верхней части иконы, включающий в себя двадцать одну фигуру. Подписи над всеми персонажами сохранились, и поэтому мы можем точно определить их имена. В центре изображен Иисус Христос на престоле. Слева от Спаса изображены Богоматерь, архангел Михаил, апостол Петр, Леонтий епископ Ростовский, Игнатий епископ Ростовский, Феодор архиепископ Ростовский, блаженный Исидор Ростовский, князь Борис, князь Глеб, Иринарх Борисоглебский Ростовский. Справа от Спаса показаны Иоанн Предтеча, архангел Гавриил, апостол Павел, Исаия епископ Ростовский, Иаков епископ Ростовский, Авраамий Ростовский, Петр царевич, Иоанн Большой Колпак, Феодор Борисоглебский Ростовский, Павел Борисоглебский Ростовский.

Бросается в глаза подчеркнуто программный характер этого весьма развитого деисуса. Он, несомненно, призван был объединить, кроме центральной семифигурной группы, всех ростовских святых, за исключением самого Иоанна Власатого, изображенного в среднике данной иконы. В роли таких святых выступают даже официально не считавшиеся ростовскими святыми князья Борис и Глеб, очевидно, потому, что первый из них являлся ростовским князем, а второй в поздней иконографии практически был неотделим от Бориса. В качестве ростовского святого фигурирует и московский юродивый Иоанн Большой Колпак, который до переезда в Москву жил в Ростове, причем в то же время, что и Иоанн Власатый[10]. Надо полагать, появление деисуса на рассматриваемой иконе обусловлено давней общероссийской традицией помещать над гробницами некоторых святых деисусный чин[11]. В нашем случае он должен был олицетворять заступничество высших христианских и всех ростовских святых за людей перед Богом.

И в среднике, и в клеймах, и в деисусе применены одинаковые светло-зеленые фоны и темно-зеленые поземы. Колорит всех изображений выдержан, в основном, в желто-охристых, зеленых и красных

[6] Ср.: Иконография ростовских святых. Каталог выставки / Сост. А. Г. Мельник. Ростов, 1998. С. 25, 26, 28, 38, 40, 42, 46, 66.

[7] См., напр.: Брюсова В. Г. Русская икона 17 века. М., 1984. С. 71; Ярославская иконопись XIII–XVIII веков. Каталог выставки / Сост. И. Болотцева. Ярославль, 1981. Рис. 33; Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. М., 1995. С. 63.

[8] Иконография ростовских святых. С. 16.

[9] См.: Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 35.

[10] Иоанна Большого Колпака называют не только московским, но и ростовским юродивым (Каган М. Д. Житие Иоанна, Московского юродивого, по прозвищу Большой Колпак // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. СПб., 1992. Ч. 1. С. 355–358).

[11] Мельник А. Г. Гробница святого в пространстве русского храма XVI века // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. Тезисы докладов и материалы международного симпозиума. М., 2000. С. 74–76.

тонах. В изображении архитектуры использованы белила. Предварительно на основании описанных выше стилистических признаков икону можно отнести к последним десятилетиям XVII – началу XVIII в.

Для правильного понимания содержания клейм и иконы в целом, конечно, необходимо было провести ее сравнение с житием Иоанна Власатого. Но выяснилось, что оно совершенно не исследовано. Полностью житие никогда не публиковалось, только в Ярославских епархиальных ведомостях за 1877 г. были изданы тексты чудес Иоанна Власатого по неизвестному списку его жития[12]. Поэтому мной был выявлен и изучен ряд его списков XVII–XIX в.[13]

Житие, отличающееся особой краткостью, повествует о том, что Иоанн Власатый появился в Ростове в царствование Ивана Грозного неизвестно откуда и каких «родителей бог весть». Святой был «мудр, добродетелен и благозрачен, и благолепием украшен, и кротостью, и смиронномудрием исполнен. Власы имел темно-русы, браду немалу, на власянице же имея милоть по иночески, пристанище же не имея нигде, кроме церковных притворов». Иоанн молился Богу день и ночь «греческим речением». «Некие ради нужды» он приходил к «некоей вдовице» и отцу своему духовному священнику ростовской Всехсвятской церкви Петру. Умер Иоанн 3 сентября 1580 г. (некоторые печатные пересказы Жития XIX в. называют в качестве даты его смерти 1582 г.[14]). Согласно повелению святого, по истечении трех дней после смерти он был похоронен «тою вдовицею и отцем духовным» за алтарем церкви священномученика Власия, находившейся «за градом». И тогда «быша знамения велия и чюдеса многа, и громы, и молния, и позжение домам и церквам». После смерти Иоанна «вернии» стали молиться над его могилой и брать с нее землю. И положив ее в святую воду, давали пить больным и «по всему телу их мажуще... и здравы бываху не токмо же человецы, но скоты»[15]. Этих исцелений было так много, что народ стал называть св. Иоанна Милостивым. Далее в большинстве списков Жития приводится описание 11 чудес, произошедших у могилы святого. В этих описаниях фигурируют вполне реальные люди, некоторые из которых идентифицируются по другим источникам. Кроме того, у первого, пятого, восьмого и последнего, одиннадцатого, чуда обозначены более или менее точные даты. В частности, первое чудо произошло в середине 1610-х годов, а последнее, по данным одних списков жития, – в 1667 г.[16], а по сведениям других – в 1663 г.[17] Причем в большинстве списков сказано, что описание последнего чуда «дал Анисим» (человек, получивший исцеление в результате этого чуда) «своею рукою»[18]. Видимо, это свидетельствует в пользу достоверности одной из двух последних датировок. Другая же, очевидно, возникла в результате ошибки переписчика. Так или иначе, но, очевидно, можно утверждать, что цикл описаний чудес от гроба Иоанна Власатого был завершен в 1660-е годы. Следовательно, рассматриваемая икона возникла не ранее этого времени.

В иконописном подлиннике XVIII в. облик св. Иоанна Власатого охарактеризован следующим образом: «Подобием рус, брада аки Леонтия Ростовскаго и подоле, и круглая, власы на главе велики, риза как у Алексея человека Божия»[19]. Как видим, данное описание более или менее соответствует облику святого в среднике рассматриваемой иконы.

Следует обратить внимание на два существенных отличия данного описания от приведенного выше словесного портрета святого, который имеется в самом раннем списке его жития, относящемся к

[12] О чудесах блаженного Иоанна Милостиваго Власатого, Ростовскаго чудотворца // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1877. С. 179–182. Данный текст издавался в виде отдельной брошюры (Блаженный Иоанн Власатый Милостивый, Ростовский чудотворец (жития и чудеса от святых мощей его). Ярославль, 1877).

[13] Мельник А. Г. Житие Иоанна Власатого Милостивого Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 4 (в печати).

[14] [Н. К.] Жития ростовских угодников Божиих. Б. м. Б. г. С. 105.

[15] РГБ. Ф. 704. К. 22. Д. 12. Л. 13–15.

[16] РНБ. Собр. Титова, № 43. Л. 301 об.; № 2021. Л. 27.

[17] О чудесах блаженного Иоанна Милостиваго Власатого, Ростовскаго чудотворца. С. 182.

[18] Там же. С. 182.

[19] Сводный иконописный подлинник XVIII века по списку Г. Филимонова. М., 1874. С. 31.

середине XVII в. (см. выше). В данном житийном варианте отсутствует упоминание о длинных волосах святого, а основной его одеждой являлась «милоть по иночески». Как известно, милотью называлось одеяние, сшитое из овечьих шкур. Согласно же указанному иконописному подлиннику, волосы святого «на главе велики, риза как у Алексея человека Божия» — на большинстве икон это одеяние из ткани. Еще в конце XIX — начале XX вв. существовали иконы, на которых святой Иоанн изображался не с длинными, а с короткими волосами[20]. Некоторые из них дошли до нашего времени[21].

Но все же подавляющее большинство изображений Иоанна Власатого соответствует не житийному варианту описания его облика, а указанному иконописному подлиннику[22]. Следовательно, представление о том, как следует изображать св. Иоанна, сложилось не сразу после установления его почитания и каким-то образом эволюционировало, и ко времени написания рассматриваемой иконы сложилось более или менее окончательно. Характер прически блаженного с упомянутыми четырьмя большими длинными прядями, лежащими по его плечам, позволяет предположить, когда это произошло. Дело в том, что с подобной прической изображался Алексей человек Божий[23], а его образ в росписи церкви Иоанна Богослова Ростовского кремля, выполненной в 1683 г., наделен прической, практически буквально соответствующей изображению волос Иоанна Власатого в рассматриваемой иконе. Как известно, Алексей человек Божий стал особо почитаться в России в период правления царя Алексея Михайловича (1645–1676), так как являлся его патрональным святым. Поэтому допустимо предположить, что примерно в это время его облик и, в частности, прическа оказали воздействие на формирование иконографии Иоанна Власатого.

Надо полагать, упоминавшаяся длинная одежда с отложным воротников в XVII в. воспринималась как характерный атрибут юродивого. В точно такой же одежде изображался юродивый Иоанн Большой Колпак[24]. В подобной, только в несколько более короткой одежде писали юродивого Алексея человека Божия[25]. Очевидно, атрибутом юродивого в то же время мог служить и жезл с загнутым под прямым углом концом. Вероятно, это не что иное, как кочерга. С подобными кочергами изображались юродивые Прокопий Устюжский[26] и Иоанн Большой колпак[27]. Вероятно, образы всех этих святых повлияли на выработку иконографии Иоанна Власатого.

Сличение с житием показало, что порядок чтения клейм иконы вполне традиционен. Они читаются слева направо, минуя средник. Первое клеймо расположено в левой верхней части иконы под деисусом, последнее, двенадцатое, — в правой нижнем ее углу. Состав клейм следующий: 1 — Погребение Иоанна Власатого; 2 — Чудо исцеления ростовского митрополита Кирилла; 3 — Чудо исцеления крестьянской жены Агрипины; 4 — Чудо исцеления жительницы Ростова Анны; 5 — Чудо исцеления крестьянина Второва; 6 — Чудо исцеления Мануила Светикова и членов его семьи; 7 — Чудо исцеления некоего калугера; 8 — Чудо исцеления Петра Парфенева; 9 — Чудо исцеления игумена Ростовского Петровского монастыря Леонтия; 10 — Чудо исцеления Калистрата Алексеева; 11 — Чудо исцеления девицы Матроны из деревни Тряслово; 12 — Чудо исцеления Анисима сына попа Иоанна из дворцового села Великого[28].

---

[20] Израилев А. Ростовская Ярославской губернии, церковь в честь Толгской иконы Божией Матери. С. 4; Богословский И. Описание икон, хранящихся в Ростовском музее церковных древностей. Ростов-Ярославский, 1909. С. 14.

[21] Иконография ростовских святых. С. 53, 70; Мельник А. Г. Ростовский вариант «Богоматери Боголюбской» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 123.

[22] Иконография ростовских святых. С. 8, 55, 64.

[23] 1000-летие русской художественной культуры. М., 1988. Рис. 150.

[24] См., напр.: Там же. Рис. 157.

[25] См.: Там же. Рис. 150.

[26] Ярославская иконопись XIII–XVIII веков. Рис. 40.

[27] Маркелов Г. В. Святые древней Руси. Материалы по иконографию СПб., 1998. Т. 1. Рис. 134, 136.

[28] Ср.: О чудесах блаженнаго Иоанна Милостиваго Власатого, Ростовскаго чудотворца. С. 179–182; РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. Д. 216 (221). Л. 177–185. Приношу благодарность Дмитрию Александровичу Морозову, указавшему мне на этот список жития Иоанна Власатого.

Далее рассмотрим каждое клеймо в отдельности.

В первом клейме на переднем плане представлен гроб, в котором лежит со скрещенными на груди руками усопший св. Иоанн. Поскольку во всех остальных одиннадцати клеймах изображение святого в гробу практически такое же, как в первом клейме, в последующих описаниях оно будет опущено. Слева перед гробом стоит священник с раскрытой богослужебной книгой в левой руке и кадилом — в правой. Над гробом склонился молодой человек с гробовой крышкой в руках. За ним в позах глубокой печали застыли мужчина и женщина — очевидно, «вдовица», упоминаемая в житии. Справа от гроба показан диакон. На втором плане — двуглавый храм, и некое гражданское сооружение.

Во втором клейме на переднем плане перед гробом св. Иоанна изображен коленопреклоненный ростовский митрополит Кирилл. Он легко узнаваем по белому клобуку. За гробом справа — священник, слева — диакон и светский человек средних лет. На втором плане — одноглавый храм со своеобразной четырехскатной кровлей и условно изображенная палата.

В третьем клейме перед гробом Иоанна слева коленопреклоненной показана женщина, надо полагать, это крестьянка села Поречья Агриппина. За гробом справа — священник, на втором плане — одноглавый храм, на котором изображена икона «Богоматерь с Младенцем». Правее — условное изображение палаты, левее — иконные горки.

В четвертом клейме перед гробом Иоанна Власатого стоящей на коленях показана «града Ростова жена некая Анна». За гробом слева — мужчина, справа — священник. На втором плане — двуглавый храм, справа — условно изображенное гражданское сооружение, земля с растением, подобным тому, которое имеется на поземе средника. В данном клейме почти целиком удалось прочесть надпись, имеющуюся на его фоне: «С[вя]тыи Иоанъ Милостивы[и] исцели некую жену Анну... разслаблена».

В пятом клейме перед гробом Иоанна Власатого в коленопреклоненной позе изображен мужчина, очевидно, это крестьянин Ростовского Богоявленского монастыря «Второв игольник»[29], а по другим спискам жития — того же монастыря «второй Иголкин»[30]. За гробом — священник и молодой человек. На втором плане одноглавый храм, одноглавая же колокольня и гражданское здание.

В шестом клейме перед гробом коленопреклоненный мужчина, очевидно — Мануил Светиков. За гробом священник (справа) подает молодому человеку кубок со святой водой, в которую, согласно житию, положена земля с могилы Иоанна Власатого. Здесь же изображена женщина. Надо полагать, они оба являются членами семьи Мануила Светикова, исцелившимися, как и он, у гроба Иоанна Власатого.

В седьмом клейме перед гробом — коленопреклоненный монах («калугер»), за гробом — священник. На втором плане — одноглавый храм, колокольня и гражданское здание.

В восьмом клейме взрослый человек подводит к гробу Иоанна Власатого мальчика — Петра Яковлева сына Парфенева. За гробом — священник. На втором плане одноглавый храм и гражданские строения.

В девятом клейме перед гробом Иоанна Власатого — коленопреклоненный монах, очевидно, игумен Ростовского Петровского монастыря Леонтий. За гробом слева — второй монах, справа — священник. На втором плане — двуглавый храм и гражданские строения.

В десятом клейме перед гробом Иоанна Власатого — коленопреклоненный человек — по житию, Калистрат Алексеев, за гробом — священник. На втором плане — одноглавая церковь, гражданское здание и иконная горка.

В одиннадцатом клейме перед гробом Иоанна Власатого — девочка. По одним спискам жития, — девица Матрона деревни Тряслова[31], по другим — девица Матрона Тряслова[32]. За ее спиной — священник. На втором плане — двуглавый храм и гражданские строения.

[29] О чудесах блаженнаго Иоанна Милостиваго Власатого, Ростовскаго чудотворца. С. 180.
[30] РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. Д. 216 (221). Л. 180 об.
[31] Там же. Л. 184 об.
[32] О чудесах блаженнаго Иоанна Милостиваго Власатого, Ростовскаго чудотворца. С. 182.

В двенадцатом клейме перед гробом Иоанна Власатого — коленопреклоненный мальчик, за его спиной — женщина и мужчина. Согласно житию, это священник села Великого Иоанн с женой и их сын Анисим. За гробом — священник. На втором плане — двуглавая церковь, колокольня и гражданское здание.

Сразу бросается в глаза, что композиционно все 12 клейм весьма сходны. Во всех клеймах на переднем плане мы видим гроб, в котором покоится Иоанн Власатый, около гроба — группу людей, а на втором плане — белостенный храм и гражданские строения. Легко угадываются образцы, с ориентацией на которые были выполнены рассматриваемые клейма. В большинстве житийных икон XVII в. встречаются подобные решения сцен погребения святых и чудес у их гробниц. Соответствующие аналоги имеются и в житийных иконах других ростовских святых[33].

Но, несмотря на общее сходство, в деталях все рассматриваемые клейма заметно отличаются друг от друга. От клейма к клейму изменяется количество персонажей и их позы, варьируются формы храма и гражданских сооружений. Замечательно, что по логике это должен был быть один и тот же храм — деревянная церковь св. Власия. Но иконописец явно сознательно жертвует каким-либо правдоподобием. Условные изображения гражданских сооружений в клеймах, очевидно, призваны были указать на то, что события происходят в городе, вблизи городских строений.

Далее следует поставить вопрос о том, кто был вероятным заказчиком надгробной иконы Иоанна Власатого. Очевидно, наиболее простой ответ заключается в том, что составителем иконографической программы и заказчиком ее был один из священников церкви священномученика Власия. Но, может быть, наряду с ним к созданию иконы был причастен ростовский митрополит? Судя по предварительной датировке иконы, это мог быть и митрополит Иона (1652—1690), и митрополит Иоасаф (1691—1701), и митрополит Димитрий Ростовский (1702—1709).

Хорошо известно, что последний бывал во Власьевской церкви и велел переплести латинскую псалтырь, принадлежавшую Иоанну Власатому, которая хранилась тогда, как хранится и ныне, на его гробнице[34]. Не заказал ли тогда же Димитрий Ростовский и рассматриваемую икону? Однако это предположение следует отвергнуть по следующим причинам. В приходо-расходной книге Ростовского архиерейского двора 6 июля 1702 г. было записано: «По указу преосвященного митрополита града Ростова ис церкви святаго священномученика Власия со гроба святаго Иоанна Власатого псалтирь на латынском языке переплетена и по обрезу вновь позолочена; дано за работу переплетчику безместному попу Гаврилу три алтына две денги»[35]. Как видим, работа по переплету упомянутой псалтири была оплачена. Согласно той же приходо-расходной книге 1701—1702 г., оплачивались и другие художественные работы, производившиеся по заказу Ростовского архиерейского двора и митрополита Димитрия[36]. Однако в названном документе ничего не говорится о создании рассматриваемой иконы. Следовательно, она не могла быть написана по заказу митрополита Димитрия в 1702 г. Правда, он мог заказать ее и в последующие шесть лет своего правления, но это маловероятно.

Вряд ли ее мог заказать и митрополит Иоасаф. Дело в том, что, как недавно установлено, его художественные вкусы были ориентированы на столичное искусство. Именно при этом архиерее среди иконописцев Ростовского архиерейского двора стали преобладать мастера, работавшие в духе школы Оружейной палаты[37]. Для стиля этих мастеров было характерно написание ликов святых с применением светотеневой моделировки, а в изображении одежд — обильное применение золота[38].

[33] Ср.: Иконография ростовских святых. С. 25, 26, 38, 40, 42.

[34] Амфилохий, еп. О латинской пергаминной псалтири, принадлежавшей св. Иоанну Милостивому, Ростовскому Чудотворцу // Труды восьмого археологического съезда в Москве. 1890. М., 1895. Т. II. С. 230.

[35] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 19. Л. 39.

[36] Там же.

[37] Иконография ростовских святых. С. 13; Мельник А. Г. Ростовский архиерейский дом при митрополите Иоасафе (1691—1701) // Кремли России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 62—63.

[38] Мельник А. Г. Неизвестный образ Исаии Ростовского // III научные чтения памяти И. П. Болотцевой. Сборник статей. Рыбинск, 1999. С. 74—75.

Ничего этого нет в рассматриваемой иконе. Она выглядит все-таки несколько более архаично, чем иконы, созданные по заказу Ростовского архиерейского двора в 1690-е г.[39] Это, правда, не значит, что ее не могли написать в указанное время, но тогда ее автором был художник, еще не испытавший на себе явного влияния стиля мастеров Оружейной палаты.

Именно такие мастера и работали в Ростове при митрополите Ионе. Однако этого мало для того, чтобы уверенно считать его заказчиком надгробной иконы Иоанна Власатого. Скорее всего, ни один из упомянутых архиереев не был непосредственно причастен к ее созданию.

Тем не менее, ближайшие аналоги рассматриваемой иконы обнаруживаются среди произведений, написанных в Ростове при митрополите Ионе. К ним можно отнести образ Ростовских чудотворцев (1685/86 г.), хранящийся в той же Толгской церкви[40], икону «Спас Нерукотворный, избранные и ростовские святые» второй половины XVII в. (1675/76 г.)[41]. Особенно же надгробная икона Иоанна Власатого близка стилистически трем иконам из церкви села Демьян близ Ростова Великого: «Богоматерь Одигитрия», «Воскресение — Сошествие во ад» и «Никола чудотворец, московские и ростовские святые». Эти три иконы не имеют точной датировки, но обычно их относят ко второй половине XVII в.[42] Они явно написаны одновременно и одними и теми же мастерами. Как в рассматриваемой иконе, так и во всех пяти перечисленных произведениях мы видим сходные приемы написания фонов, одежд и моделировку личного с характерной ярко-красной подрумянкой. Сходство же надгробной иконы Иоанна Власатого с упомянутыми иконами из села Демьян столь велико, что невозможно не приписать их одному и тому же мастеру. Более отдаленными аналогами рассматриваемого произведения являются житийная икона Иринарха конца XVII — начала XVIII в.[43] и икона «Рождество Христово» второй половины XVII в. из Ростовского музея[44].

Как видим, интересующий нас памятник — не какое-то изолированное явление в искусстве Ростова второй половины XVII — начала XVIII в. Именно в данный период была создана большая часть житийных икон ростовских святых[45], а также иконы, на которых своеобразно сочетались ростовские и избранные святые[46], что отчасти напоминает подбор святых в деисусе рассматриваемой иконы.

Следует указать также на еще один датирующий признак. Условное изображение облачков на фоне средника находит аналоги в иконописных произведениях, обычно датируемых концом XVII в.[47] Как видим, большинство аналогов рассматриваемой иконы относится не к началу XVIII в., а к несколько более раннему времени — ко второй половине или к концу XVII в. Учитывая же, что она не могла быть создана ранее 1660-х г., ее можно датировать последней третью XVII столетия.

В заключение обратим внимание на своеобразие интерпретации жития Иоанна Власатого в рассматриваемой иконе. Собственно говоря, житие как таковое представлено в ней лишь одной сценой погребения святого. Зато отражены все одиннадцать чудес исцелений у его могилы. Характерно, что чудеса, сопровождавшие похороны блаженного («и гром, и молния, и позжение

[39] Ср.: Иконография ростовских святых. С. 30, 31.
[40] Там же. С. 8.
[41] Там же. С. 55.
[42] Ср.: Иконы Сергиево-Посадского музея-заповедника. Альбом-каталог / Сост. Л. М. Воронцова. Сергиев-Посад, 1996. Рис. 19, 20, 21.
[43] Мельник А. Г. Вновь открытая икона преподобного Иринарха в житии // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2000. Вып. X. С. 132–145.
[44] Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». И-766.
[45] Мельник А. Г. Житийная икона Авраамия Ростовского XVII века // Минувших дней связующая нить (V Тихомировские чтения). Ярославль, 1995. С. 17–19; Он же. Об иконографической программе житийной иконы конца XVII в. «Святой преподобный Петр царевич» // Сообщения Ростовского музея. Ярославль, 1995. Вып. VIII. С. 106–113; Иконография ростовских святых. С. 11.
[46] Мельник А. Г. Икона из коллекции А. А. Титова в собрании Ростовского музея // Музеи Верхней Волги. Проблемы, исследования, публикации. Ярославль, 1997. С. 150–158; Он же. Иконография святых как источник по истории ростовского средневекового регионального самосознания // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов. М., 1998. С. 161; Иконография ростовских святых. С. 55, 64.
[47] Ср.: 1000-летие русской художественной культуры. С. 123; Иконы Сергиево-Посадского музея-заповедника. Рис. 24, 26.

домам и церквам» — см. выше), никоим образом в иконе обозначены не были. Следовательно, ее авторы не посчитали нужным отразить ни земную жизнь юродивого, ни катастрофические явления, знаменовавшие его кончину. По существу, данная икона представала перед молящимися чем-то вроде манифестации исключительной целительной силы святого.

Казалось бы, такое решение определялось краткостью собственно жития и многочисленностью упомянутых исцелений. Если это и верно, то лишь только отчасти. Анализ житийных икон других ростовских святых[48] свидетельствует, что краткость изложения в житии какого-либо эпизода не являлась причиной исключения его из иконографической программы соответствующего живописного произведения. И напротив, пространность тех или иных житийных фрагментов или наличие описаний многих чудес вовсе не гарантировала их включение в указанную программу. Отбор житийных эпизодов для отражения в иконе, как правило, обусловливался целым рядом факторов. Среди них важнейшую роль играли специфика культа данного святого, сложившегося ко времени написания иконы, ее конкретное назначение и местоположение, представления заказчика иконы и автора иконографической программы о святом, наконец, даже их мирские интересы.

Вероятно, именно культ особого почитания могилы Иоанна Власатого как источника многочисленных исцелений и породил основной замысел его надгробной иконы.

Рис. 1. Надгробная икона ростовского святого Иоанна Милостивого Власатого.

[48] Мельник А. Г. Житийная икона Авраамия Ростовского XVII века. С. 17–19; Он же. Об иконографической программе житийной иконы конца XVII в. «Святой преподобный Петр царевич». С. 106–113; Он же. Икона «Явление Иоанна Богослова преподобному Авраамию Ростовскому с житием преподобного» // Макарьевские чтения. Можайск, 1999. Вып. 6. С. 266–286; Он же. Вновь открытая икона преподобного Иринарха в житии. С. 132–145.

Рис. 2.
Фрагмент надгробной иконы святого
Иоанна Милостивого Власатого.

Рис. 3.
Надгробный комплекс святого
Иоанна Милостивого Власатого
в ростовской Толгской церкви.